

Пролог

Тяжёлые тучи скрыли луну, потворствуя этой ночью злым человеческим помыслам.

Он не был готов. Нарушить все существующие законы, попробовать дотянуться до запретной Силы, попытаться её контролировать... Нет, он не был готов. И он боялся. Боялся, что оглядчики заметят его волшебство. Боялся оставить свой след в Великом Барьере, разделяющем Тёмный и Светлый Источники. Такого Совет Родов не простит. Такого в Империи не прощают никому. Но больше всего он боялся шёпота. Сводящего с ума шёпота Тёмных Богов, проникающего в голову при каждом контакте с их миром. Но время не терпит. И он решился. Эта ночь и этот ритуал должны изменить всё. Обязаны изменить всё. Невзирая на страх, сегодня он пойдёт до конца.

Подготовка к ритуалу завершена. Кристалл в его руке уже потеплел, предвкушая страшную трапезу; серебряный кубок, до краёв наполненный кровью, стоит на столе; тщательно начертанная на полу гексаграмма излучает зеленоватое свечение.

Маг сделал глубокий вдох и отпустил заранее сплетённое заклятье Изоляции. Колдовской барьер наглухо запечатал кабинет: ни свет, ни звук, ни запах не

могли покинуть этих стен. С губ мага сорвались слова древнего языка. Дрожащими руками он поднёс кристалл к кубку — кровь потянулась к редкому минералу и капля за каплей растворилась в нем. Кристалл завибрировал и озарил комнату багряным свечением.

Теперь пути назад не было. Оборвать ритуал сейчас означало неминуемую гибель. Он не знал, как гасить излишки энергий Тёмного Источника в преждевременно разорванном заклинании. И даже если это получится, невероятный всплеск Силы, последующий за этим, выдаст его оглядчикам.

Монотонный шёпот на языке древнем, как сама Тьма, зазвучал в голове мага. Слова рисовали в сознании ужасные картины и образы, смысл которых он не мог постичь. Непроницаемый смоляной дым заструился из кристалла и расползся по комнате. Он полностью покрывал стол, крался по полу, заползал на стены и, не способный удержаться, опадал вниз, собираясь в центре гексаграммы. Шёпот превратился в гул водопада. Грохот заполнял голову, путая мысли, мешая сосредоточиться. Ритуал стремительно вытягивал силы и грозил лишить рассудка.

Скрывать колебания Тёмного Источника становилось всё сложнее. На лбу мага выступил пот, тело била мелкая дрожь. Дым за спиной бурлил и уплотнялся, поднимался вверх и расширялся, вырисовывая силуэт неведомого существа. Маг почувствовал на себе осмысленный, полный ненависти ко всему живому взгляд и повернулся к призванному. Перед ним в центре комнаты на двух лапах стоял огромный чёрной масти зверь. Глаза горели алым огнём, длинная, схожая с волчьей морда скалила жёлтые

клыки. Зверь выпрямился во весь рост, касаясь потолка кончиками заострённых ушей. Наклонившись, он вдохнул запах призывателя и издал недовольное рычание.

Маг в ужасе отшатнулся. В ответ на неведомую угрозу в сознании мгновенно сработало заклятье Барьера, и яркий белый купол накрыл чародея. Зверь с неподдельным интересом обнюхал магическую преграду, коснулся её когтями. Купол заискрился, дрогнул, но выдержал. Когти двинулись вниз, и в защитном барьере образовались хоть и небольшие, но всё же прорехи. Жуткое подобие улыбки отобразилось на морде Зверя — он почувствовал страх сидящего перед ним.

Шёпот Тёмных Богов, усилившись, ударами молота отдавался в висках, всё больше туманя разум. В картинах, явленных ему теперь, маг видел свою смерть. Он видел свою ничтожность перед лицом вселенской стихии, видел, как его защитные заклятья рушатся под неистовым напором Тьмы и как это ужасное порождение проклятого мира разрывает его тело.

Кристалл в руках раскалился, нестерпимо обжигая ладони, и эта боль помогла магу прийти в себя. Дрожавшим голосом он произнёс:

— *Isb da Kad-Davri arrak!*¹

Зверь недовольно заворчал и убрал лапу. Увидев замешательство призванного, маг собрался с силами, выставил руку с кристаллом вперёд и выкрикнул:

— *Isb da Kad-Davri arrak!*

¹ Моя жизнь принадлежит Кад-Давру (язык Тёмных Миров) (здесь и далее примеч. автора).

Зверь отступил и опустился на четыре лапы: слова родного языка заставили его подчиниться. Огромной чёрной тушей он покорно сидел в ожидании приказа. Маг с облегчением выдохнул и вытер обильно выступивший пот. Грохот в голове стих, боль ушла. Удалось. Ему всё же удалось это сделать. Облизнув пересохшие губы, он улыбнулся — это была улыбка победителя. Не чувствуя больше угрозы, он снял защитный барьер, выдвинул ящик стола и, достав резную шкатулку, положил в неё холодный, безжизненный кристалл.

— Истиан Галлан. Завтра ночью, — проговорил он.

Услышав имя старого врага, зверь снова зарычал, его чёрные когти оставили глубокие борозды на дубовом полу, густая шерсть встала дыбом.

Разорвав тугую нить заклатья Изоляции, маг распахнул окно. Тёплая летняя ночь бросила в лицо ком сладких запахов. Луна вышла из-за туч, бескорыстно отдавая свой холодный свет миру. Он повернулся к призванному и слегка поклонился. Одним мощным прыжком Зверь выскочил в ночную темноту и слился с ней.

Маг смотрел вслед порождению Тьмы. Сегодня он рискнул жизнью и выиграл. Сделанное этой ночью скоро обернётся смертью для его врагов, и эта мысль позволила ему улыбнуться вновь.

Ведьмы — забота магов

Игнаций подбросил веток в затухающий костёр, снял казавшийся к вечеру пудовым шлем и поглядел на север. Там, на холме, высился последний аванпост Центральных земель Империи. Стеснять обитателей крепости витязи Сорок Девятой Серебряной дружины не стали и встали на ночлег на главном южном тракте Эделии. Лагерь разбили по всем правилам устава, создав некое подобие заставы: две большие палатки взяли дорогу в клещи, за палатками оставили стреноженных лошадей, офицерскую палатку расположили поодаль. Шестеро дозорных встали по периметру лагеря, четверо «встречающих», как называли караульных, перегородили дорогу. Облокотившись на красные каплевидные щиты, они тихо несли свою службу. Тяжёлые повозки и обозы по ночам не ездили, а вот конные и реже пешие путники всё же попадались.

В походе полагалось ночное дежурство дружинного мага, дабы следить за волшбой в ближайших окрестностях. Но время шло, магов в Эделии становилось всё меньше, и обычно Серебряные дружины сопровождали жрецы церкви Триглавы. Служители Трёх Светлых были незаменимы в качестве лекарей, но до настоящих чародеев им было далеко. В этом же походе Сорок Девятой Малой отрядили сразу пятерых сто-

личных магиков — небывалая роскошь для мирного времени.

Стояли тёплые летние ночи, так что в некоторые из них воевода Артур Эйхард не отдавал приказ ставить палаток вовсе. Горячий ужин, попону на землю да седло под голову — испытанным в боях витязям этого было достаточно. Столичные же маги в этом походе каждую ночь разбивали свою небольшую палатку вне границы дозора дружины и, скрывшись в ней на закате, выходили только утром.

— Ставлю свою благоверную на кон, срут они тоже в палатке! — хохотнул кто-то во время ужина, сорвав тем самым дружный гогот сослуживцев.

Полог правой палатки отодвинулся, кто-то вынырнул из неё и засеменял к костру. Игнаций улыбнулся. Он знал: в эту ночь Уилл Харриган не упустит возможности посидеть с ним. На пенсию Игнацию только через год, он всё так же крепко держался в седле, да и боевого опыта хоть отбавляй — послушать байки старого десятника и спросить совета как раз и бегал молодой витязь.

Уилл вошёл в круг света костра. Его ярко-рыжие кудри блеснули, отражая танец огня.

— Вы нас демаскируете, молодой человек, — хрипло проговорил Игнаций.

Уилл недоумевающе вскинул брови и огляделся. Задержал взгляд на палатке, из которой вышел, — ничего необычного. Если он что-то и сделал, что заставило ветерана разозлиться, то он не понимал что.

— Волосы, сынок. Твои, леший бы их остриг, волосы! — рассмеялся ветеран. — Они ж отбрасывают свет костра на добрый десяток лиг!

— Имперским дружинам на марше не предполагается таиться и скрывать своё местоположение, — затараторил Уилл. — При переходах воеводы всех дружин обязаны отмечать прибытие в каждом населённом пункте численностью более ста жителей. После прибытия на место...

— Право слово, сынок, да ты декларируешь устав не хуже нашего Артура!

— Знание всех отделов устава является обязательным для... — тут Уилл понял, что старый десятник просто над ним подтрунивает, и смущённо улыбнулся.

Игнаций смахнул накатившую слезу, четверо «встречающих» смеялись вполголоса. В этом смехе не было издёвки. Уилл — парень молодой, крепкий, первый поход, с мечом обращается не хуже любого другого в дружине. Подтянуть владение копьём, чуть резче выполнять команды в боевом построении да набраться боевого опыта — готовый витязь.

— Ладно, парень, не обижайся на старика. Садись давай. Но с волосами, клянусь Тремя, тебе нужно что-то делать, — всё ещё улыбаясь, но уже не без озабоченности в голосе проговорил Игнаций.

Уилл уселся на бревно, служившее в это дежурство десятнику постом. Попытался пригладить непослушные рыжие кудри, но понял, что это бесполезно, и тяжело вздохнул. Он никогда особо не заботился о волосах, в конце концов, у него в роду, насколько он знал, все обладали густой рыжей шевелюрой, и никому ещё это не мешало. Он взглянул на места лысеющую, коротко стриженную голову Игнация и припомнил дружинный устав. В нём был пункт о волосах, но касался он только служащих на островных частях Им-

перии. Непроходимые джунгли занимали там огромные пространства, так что совсем уж длинные волосы и борода мешали нести службу.

— Не спится? — хитро прищурился Игнаций. — Послезавтра твоя ночная, не сбивал бы себе режим.

— Знаю. Десятник Фолин выдал расписание ещё в столице. Насчёт режима не беспокойтесь. Я вообще мало сплю. Я вот что хотел спросить, — Уилл вдруг замялся, будто стесняясь, — а правда, что мы идём на ведьму?

Игнаций пристально посмотрел на рыжего юнца. Тот с честью выдержал его взгляд и глаза не отвёл. В эту ночь, впрочем, как и в любую другую, Игнацию не хотелось ни говорить, ни вспоминать о лесных ворожеях.

— Это я к тому, что, если воевода увидит, что ты спишь на посту, на месяц уйдёшь в штрафники и о возвращении в Серебряную можешь забыть, — будто бы не услышав вопрос, продолжил ветеран. — В нашу так уж точно. Артур такого не прощает. Что же до ведьм, — сдался наконец Игнаций, — поговаривают, что, мол, так оно и есть. Только вот в чём дело-то, ворожеи, ну, ведьмы — забота магов. Может стать, ты их и в глаза-то не увидишь. Накинут на них удавку или как там этот фокус у них называется, и всего делов. А с удавкой в мозгах любая ворожея — просто столетняя старуха. Голова с плеч, мешок, костёр. Так что о них тебе думать не стоит.

— Я ни разу не видел ведьму, пусть даже и с удавкой в мозгах, — оживился Харриган.

— Если Трое к тебе будут милостивы, может, никогда и не увидишь.

— Трое будут милостивы, — повторил рыжий витязь, прикладывая руку к символу церкви Триглавы, висящему на шее. — А вы видели ведьму?

Игнаций привстал подбросить веток в костёр и тут же скривился от боли в раненой ноге. Уилл опередил его и суетливо подкинул еды огню.

— Ежа мне в сапог! — чертыхнулся ветеран. — Этого ещё не хватало. Поход только начался, а эта колода болит всё сильнее.

— Сильно болит, да?

— Для сваренного рака всё худшее уже позади, — отшутился Игнаций. — Ворожей, значит... Пацаном видал одну. В Ладосе, на костре. Ворожей вымирают. Да чего там, магов и то с каждым годом рождается всё меньше. Эти старухи вообще не стоят внимания Серебряных. Не забивай себе магической ерундой голову, парень. Служи, коли служишь. Наше дело ратное.

Игнаций лукавил. На самом деле с начала похода его не покидала тревожная мысль: «А чего это вдруг на усмирение двух или трёх диких ворожей в забытом всеми богами княжестве Ван-Алли Империя отправляет элитную Серебряную, да ещё и пять столичных магов в придачу?»

Ведьмы в Эделии последнее время проявляли себя всё чаще, но до сих пор это решалось князьями на местах. Десяток витязей, один-два жреца Триглавы — и кончено. Но этот поход тревожил Игнация. Ещё и старая рана напоминала о себе куда как чаще обычного.

— Я ещё хотел спросить про мальчика, — продолжил Уилл.

Игнаций бросил на него недоумённый взгляд:

— Мальчика? Какого мальчика?

— Ну, который едет с магами. Я думал, он их служка, но ни разу не видел, чтобы он готовил обед или носил воду их лошадям.

— Да дались же тебе эти столичные, — пробурчал Игнаций. — Мальчик, значит... Ты про того паренька с золотыми глазищами?

— Ага! Златоглазка, — улыбнувшись, подтвердил Уилл. — Ребята видели его на привале в одной из деревень.

— И тебе, и нашим ребятам нужно прикусить свои языки! — Тон старого воина резко изменился. — Этот мальчик, как я слышал, из древнего рода Галлан. Его отец входит в Совет Родов, а сам он в том году один сровнял с землёй лагерь бунтовщика Ролиса.

Уилл изумлённо уставился на Игнация.

— Этот мальчик как бы не сильнейший маг в своём поколении. Так что я советую тебе выбирать слова. Мало ли кто нас может слушать?

— Подслушивают?! У нас, в лагере? — ошарашенно выпалил Харриган, оглядываясь по сторонам. — Правда, я слышал, что маги не спят вовсе. Каждую твою мыслёнку прослушать могут. С духами, словно шаманы орочьи, общаются...

— Эка тебя понесло! — присвистнул Игнаций. — Вся эта магическая кутерьма, я вижу, здорово засела у тебя в голове. Ты мне показался более сдержанным парнем. Что, выходит, у тебя всё ребячьи сказки на уме? Или я зря рекомендовал тебя воеводе?

Уилл густо покраснел. Окончив в семнадцать лет военную академию, он два года прослужил в городской страже Ладоса, но эта служба ему быстро наску-

чила. Он жаждал славных приключений, как у героев прошлого, а когда Сорок Девятая проводила донabor в свои ряды, единственный из тридцати подавших заявку прошёл смотр.

— Понимаете, сударь, я не боюсь никого, кто ходит по земле, но вот те, кто под землёй... — Уилл перешёл на шёпот и подвинулся ближе. — Жрецы Триглавы в Ладосе такое про ведьм рассказывали!

— По новой поехали?! — не на шутку рассердился Игнаций. — Под землю он заглядывает, ишь! Для тебя, сопляка, и на земле лиходеев хватит!

Харриган опустил голову. Будучи столичным стражем, он ни разу не имел дела с магами и уж никак не мог повстречать прислужников Тёмного Кульга. Первый же поход в качестве Серебряного бросил его в так желаемые им приключения. Он почти не спал ночами, постоянно выдумывая и гадая, как воевода Эйхард будет выстраивать бой против ворожей. А получалось, что и поговорить про ведьм нельзя, и чародеи Ладоса заберут себе всю славу!

— Ладно, парень, — вздохнул Игнаций. — Не сердчай на старика. Нога треклятая ноет. А тебе действительно пора на боковую. Даже молодым нужен отдых. Режим, помнишь?!

Уилл улыбнулся, пожелал десятнику тихой службы и вернулся в палатку.

— Ведьмы, маги... Триглава их забери! Серебряным ни один враг нипочём! — пробормотал он, устраиваясь на жёстком солдатском лежаке. Зевнув и покрепче сжав серебряный трилистник, висящий на груди, он почти сразу уснул.

До рассвета оставалась лишь пара часов.

Серебряные

Сорок Девятая Малая Серебряная дружина во главе с Артуром Эйхардом держала путь на юг. Пятьдесят шесть конных витязей в лёгких кольчугах ровным строем отмеряли лигу за лигой. На их алом знамени белый всадник поднимал на дыбы скакуна, копьём поддерживая золотую обрамлённую десятью кристаллами имперскую корону.

Позади дружины, выдерживая приличную дистанцию, ехала пятёрка магов. Их лица скрывали капюшоны, а имён не знал даже воевода Эйхард. Только по ярко-золотому плащу одного из пятёрки можно было распознать представителя рода Галлан, одного из Десяти Великих Родов, более двух тысяч лет назад основавших Империю и воздвигнувших на стыке четырёх рек столичный город Ладос.

Витязи шли налегке. Покрывая более двадцати лиг в день, они в положенные десять дней успевали с запасом прибыть в замок Бреннена, расположенный на границе княжеств Лестор и Ван-Алли.

На восьмую ночь дружина Эйхарда встала лагерем возле моста, перекинутого через небольшую безымянную речушку. Они миновали столицу Лестора, и до Бреннена оставалось всего несколько лиг.

Оставив ужин на потом, витязи очищали от дорожной пыли доспехи, натирали до блеска копьё и мечи: входить в большой город требовалось с пафосом, как и подобало столичной дружине. Казарменные палатки выросли по обеим сторонам дороги, «встречающие» расположились на тракте, палатка магов немым

мемориалом встала на берегу реки, как обычно, вне дозора дружины.

Воевода Эйхардт осматривал лагерь. Внезапно за спиной он услышал деликатный кашель:

— Я великодушно прошу вашего прощения, сударь воевода.

Артур в недоумении повернулся к незнакомцу. Он мог поклясться, что не слышал ни звука за спиной, но тем не менее сейчас перед ним стоял, возвышаясь на две головы, темнокожий великан, широченными плечами заслонивший заходящее солнце. Большой, искусно огранённый кристалл, зажатый в лапах двух золотых ящеров, сиреневыми всполохами мерцал у него на груди. Несмотря на выдающийся вперёд живот, незнакомец казался настоящим богатырём даже на фоне витязей Эйхарда.

— Разрешите представиться, Эбинайзер Кин. Я являюсь руководителем Ладосской Центральной Магической ячейки. Сегодняшним вечером я прошу вас, сударь воевода, и ваших десятников посетить нашу палатку для беседы о цели похода и обсуждения наших общих дальнейших действий, которые мы можем принять для решения инцидента, ставшего причиной оно́го, — ни разу не запнувшись, проговорил маг.

Артур не сразу нашёлся, что ответить. Подобный замысловатый слог сбил его с толку. Он внимательно осмотрел радушно улыбающегося здоровяка и, коротко кивнув, ответил:

— Конечно. Артур Эйхард, воевода Сорок Девятой Серебряной. Думаю, нам давно стоило обсудить этот

вопрос. Поделиться друг с другом информацией по данному... инциденту.

— Поделиться информацией?! — удивлённо вскинул брови Кин. — Хотя почему бы и нет! Конечно. Да. Разумеется. Думаю, вам тоже есть что нам рассказать. Мы с интересом выслушаем всё, что вам известно, и, в свою очередь, расскажем всё, что известно нам, — улыбнулся он, сверху вниз глядя на Артура.

— После заката будем, благодарю за приглашение.

— С великим нетерпением буду ждать нашей встречи. — Маг развернулся, заложил руки за спину и не спеша зашагал к своей палатке, не выказывая никакого интереса к окружающим.

Артур задумчиво провожал его взглядом, когда из-за ближайшей палатки к нему неторопливо подошёл Кэс, один из дружинных десятников.

— Чего случилось, старшой? — посмотрел он вслед бредущему по лагерю магу.

— Хм... Да пока вроде ничего. Всем десятникам сбор. Сегодня мы приглашены к магам на совет.

— О-о! — поднял брови молодой десятник. — Соизволили-таки переговорить по душам? Я уж думал, совсем нас за мурашей считают.

— Ну ты сильно-то не обольщайся. Разговор с нами ещё не значит, что они принимают нас как равных. Давай-ка, собери всех.

— Выполняю! — Кэс хлопнул себя левой рукой по правому плечу в воинском приветствии и быстрым шагом отправился собирать остальных десятников дружины.

— Угу, — задумчиво протянул Артур, — выполняй.

* * *

Артур и пятеро десятников сидели в офицерской палатке, обсуждая, какую информацию могли получить столичные чародеи, так как сами знали о цели похода только из приказа, а он гласил:

«Сорок Девятая Малая Серебряная дружина перебрасывается на юг для поддержания порядка и устоев Империи на её дальних рубежах и устранения неподконтрольных ей магических ситуаций. Артуру Эйхарду надлежит в пятнадцатидневный срок явиться в замок Бреннена на территории княжества Лестор и получить дальнейшие распоряжения от командующего замком воеводы Амоса Радного. Для усиления Сорок Девятой Серебряной Малой в этом походе участвуют пять членов Ладосской Магической Семинарии. Входя в состав Сорок Девятой, данные пятеро в подчинение Артура Эйхарда не поступают. Отчитаться об итогах похода предстоит замковому воеводе Амосу Радному».

— На кой ляд им в такой глухомани Ладосские чароплётки? — начал Кэс. — Пару диких ведьм, как же! Слишком много чести для лесных старух.

— Не могли, что ли, найти для этих сударей магов другой эскорт? Надо было дёргать из столицы военную элиту! — поддержал брата Фарли.

— Остынь, элита! — усмехнулся Кэс. — С твоим отъездом столичные шлюхи хоть подлечат свои дыры!

Оба молодых десятника весело и с готовностью расхохотались.

— Хочу напомнить вам, судари, — прервал смех Артур, — что наша работа не рассуждать о приказах, а выполнять их.

— Валлаэрти, что с них взять, — вздохнул Игнаций. — Только девицы да потеха на уме.

— Не, старый, мы с Кэсом девиц-скромнях не трогаем. Нам алёнушки-любожестрастницы роднее!

— Закончили, ага! — рыкнул на братьев Аксен. — Давай, старый, твоё слово.

— Вот что я скажу, Артур, — расправил седые усы Игнаций, поудобнее усаживаясь на лежаке. — С самого первого дня этот поход у меня вызывает много вопросов. Цель заранее не разглашается, маги всю дорогу едут сычами, не проронив ни слова. Тревожно что-то у меня на сердце, да и нога разболелась — чувствую, быть беде.

Кэс и Фарли дружно закивали: интуиция ещё ни разу не подводила ветерана, по крайней мере, на их памяти. Аксен тем временем приоткрыл полы палатки и выглянул наружу, будто желая убедиться, что их никто не подслушивает.

— Согласен, магам нельзя доверять, — проговорил он. — У этих сукиных детей всегда что-то своё на уме. Ворожеи, вольница, разберёмся на месте — от Серебряной стали ещё никто не уходил. Радный — вот кто не идёт у меня из головы. Этот жирный сукин сын пошёл на повышение после войны с племенами Урусских. Если я увижу этого выродка, ты уж, старшой, не держи на меня зла, я перережу ему глотку от уха до уха, — подтверждая всю серьёзность своего намерения, он достал из-за пояса огромный зазубренный нож.

— Десятник Фолин, выбирайте выражения, — строго сказал Артур. — Я не знаю, что там у вас за счёты с Амсом, но мы витязи Эделии, а не лесные головорезы.

— Ни одному головорезу и не снилось столько смертей, сколько на совести у этого выродка! Во время той войны я водил десятку в его дружине. Вы не представляете, что это за человек.

— Я слышал всякое про этого Радного, — протянул Игнаций. — Вроде бы даже Суд Чести был.

— Хера Ладосского ты слышал! — прорычал Аксен. — Суд Чести?! Мы выполняем приказы, не задавая вопросов, а после рассуждаем о чести! Трусов сажают на троны, пока тысячи из-за них гниют в земле.

— Резать всех трусов на тронах — никакой стали не хватит, — запоздало пошутил Кэс.

— Вообще проредить было бы неплохо, — согласился Фарли.

— Прекратить! — рявкнул Артур, окончательно усмирив молодых десятников. — Теперь с тобой. — Он повернулся к Аксену. — Что бы ни происходило на Кадал-Урусских — это всё в прошлом. Сейчас главное — задание. Мыслью, помахать мечами в этом походе нам всё же придётся, так что побереги сталь. Да и губить себе жизнь из-за одного старого труса не стоит. Убери нож.

— Убери, Аксен, — повторил просьбу воеводы Игнаций.

— Выполняю, — буркнул Аксен. — Жду вас на месте, — он хлопнул себя по плечу, убрал нож и вышел.

— Артур, с ним нужно что-то делать, — покачал головой Игнаций. — Не знаю, что там у них с Радным, но Аксен накличет на себя лихо.

Аксен Фолин слыл чрезвычайно вспыльчивым человеком и после войны с орками на Кадал-Урусских островах был разжалован до простого мечника Железных легионов. Три года службы — и Совет Воевод вернул ему серебряные фибулы, но ни в одной Серебряной дружине он долго не задерживался. Многочисленные жалобы на взрывной характер почти погубили карьеру воина, но потом молодой воевода Эйхарт взял его в новую, ещё только формирующуюся Сорок Девятую. За год службы под его началом Аксен показал себя превосходным бойцом и стал пользоваться огромным уважением среди витязей. Он не рисковал жизнью ради соратников, но держался ото всех особняком и о случившемся на островах никому не рассказывал.

— Он справится, — кивнул Артур. — Должен справиться. Ну а пока... Судари столичные маги обещали нам беседу, пойдем послушаем, чего они там придумали.

— Чароплётам нельзя верить, — подытожил разговор молчавший всё это время Ром.

Разговор по душам

Десятники оставили оружие в палатке: в мирное время дружинный устав предписывал вести Советы без стали. Наградной кинжал, полученный Артуром из рук старшего воеводы Эделии, Трибиуса Талка, так и остался висеть у него на поясе. Булатная сталь, украшенная серебром и сапфирами, выковывалась исключительно для ладосских воевод и давала право

обладателю не разоружаться даже перед лицом Императора.

Ночь уже вступила в свои права. В воздухе пищали комары, а лягушки своей песней, казалось, пытались докричаться до Великих Святых, захороненных в столичных криптах.

Серебряные подошли к палатке магов. Вблизи оказалось, что соткана она не из материи, а из тончайших стальных нитей. Поднявшийся ночной ветер сколь ни силился, не мог потревожить её. Свет, если и горел внутри, наружу не пробивался. Звуки отсутствовали напрочь.

Из темноты вышел Аксен. В тусклом свете луны его лицо более походило на застывшую маску мертвеца.

— Тишина, старшой, — смачно сплюнул он. — Кажется, они над нами просто посмеялись.

Будто в ответ, полы палатки разошлись, и к ним вышел руководитель Центральной Магической ячейки Эбинайзер Кин.

— Долгих лет и здоровья храбрейшим из храбрых, — произнёс он нараспев и широко улыбнулся.

— И вам здоровья этой ночью, — поднял бровь Артур.

— Заходите, прошу.

Походное жильё магов оказалось скромнее, чем можно было представить. В центре палатки парила карта Эделии. На ней красный круг отмечал некую возвышенность на территории княжества Ван-Алли. Над картой висел и тускло поблёскивал небольшой кристалл, но освещал временное жильё столичных чародеев вовсе не он. Здесь не было ничего, что бы

отбрасывало этот мягкий голубой свет. Здесь светился сам воздух, и теней не было вовсе.

При таком освещении стал отчётливо виден шрам на лице Кина. Он тянулся вниз, скрываясь под воротом куртки, и пульсировал ярко-рыжими всполохами. Без плаща руководитель столичных чародеёв ростом и шириной плеч лишь немного уступал Рому, считавшемуся настоящим гигантом в дружине Эйхарда.

Возле карты стояли пятеро, каждый из них запомнился сразу и навсегда.

Одним из магов оказался тысячелетний старик в длинном сером балахоне. Он раскачивался из стороны в сторону, опираясь на кривой деревянный посох, и, похоже, только это не давало ему свалиться на землю. На вид он был настолько стар, что оставалось только гадать, как этот хрыч не представился Трём Светлым за время семидневной скачки. Сухая кожа туго обтягивала лысый череп, а глаза, вернее, бельмо, так глубоко запали внутрь, что не возникало никаких сомнений — старик слеп.

Рядом с ним, являя небывалый контраст возрастов, стоял мальчик-подросток. Его сальные, чем-то густо смазанные волосы были зачёсаны назад. Он смотрел на прибывших с нескрываемой насмешкой, а Сила, сияющая золотом в глазах, казалось, могла повернуть реки вспять или заставить горы убраться с дороги.

Рядом с мальчуганом расположилась женщина. Её холодное, без единой морщины лицо притягивало и одновременно пугало своей неестественностью. Ярко-карие глаза сияли, отражая волшебный свет,

а вот волосы, наоборот, его поглощали и создавали иллюзию чёрной пустоты за её спиной.

Но больше всех поражал последний из пятёрки, или теперь стоило говорить — шестёрки? По правую руку от высокой магички стояли двое. Отличить их не было никакой возможности, как нельзя отличить две золотые, только что отчеканенные имперские монеты. Эти двое ростом были чуть выше золотозлого мальчугана и худы до предела человеческого тела. Мерцающие радужные глаза резко контрастировали с мертвенно-бледными лицами. Белёсые редкие волосы висели патлами. Бескровные, растянутые в постоянной нелепой улыбке губы обнажали коричневые, почти чёрные пеньки зубов.

— А я думал, их пятеро?! — выдохнул Кэс.

Присутствующие все как один обернулись, заставив молодого десятника прикусить язык и выбрать потолок палатки как объект внимательнейшего рассмотрения.

— Артур Эйхард, воевода Сорок Девятой Малой Серебряной дружины. Также десятники, — проговорил Артур.

Пятеро магов, за исключением Кина, чуть склонили головы.

— Центральная Магическая ячейка Ладоса, — обвёл чародеев рукой Эбинайзер. — Не будем терять драгоценное время. Я начну. — Он заложил руки за спину и стал расхаживать из стороны в сторону. — Мне известна цель вашего похода, сударь Эйхард. Вам приказано прибыть в Бреннен и получить дальнейшие указания от тамошнего воеводы Амоса Радного — признанного стратега, героя войны, награждённого

практически всеми существующими орденами Империи и прочее, и прочее.

Аксен при упоминании Радного сжал кулаки и нахмурился. Заметив это, Эбинайзер снисходительно улыбнулся и продолжил мерить палатку шагами — сегодня за всю ячейку говорить собирался только он, а лекторский тон не предполагал, что его хоть кто-то будет перебивать.

— Ваш приказ подразумевает подавление всех действий, включая магические проявления, направленные против Империи и её народа. Для предотвращения магической составляющей к вашей Малой Серебряной и была приписана наша ячейка. Несомненно, помощь, которую может оказать ваша дружина в решении поставленной задачи, трудно переоценить, но, — он остановился и посмотрел Артуру в глаза, — я всё-таки хотел просить вас... Вынужден просить именно вас, сударь мой воевода Эйхард, как только мы доберёмся до места инцидента, отдать приказ вашим подчинённым о невмешательстве и соблюдении разумной дистанции от нашего, — он нажимом выделил это слово, — лагеря.

— Нам приказано... — начал Артур, но Эбинайзер, не глядя, жестом остановил его и вновь зашагал по палатке. Он всё больше и больше походил на профессора Семинарии, диктующего нерадивым ученикам лекцию под запись.

— Как нам стало известно, в землях Ван-Алли, на возвышенности, прозываемой чернью Бесов Холм, обосновались дикие ворожеи. Всего две или три. Уверен, вы знакомы с историей и знаете, что в нынешние времена ведьмы не представляют особой угрозы, хотя

раньше и являли реальную опасность. Может быть, на местных крестьян они ещё и наводят страх, но, уверяю вас, даже трём, ну или четырём десяткам местного князя было бы по силам справиться с их столь незначительной группой.

Кэс набрал в грудь воздуха и хотел было прервать Кина, но Артур уловил это намерение и строго взглянул на него.

«Не сейчас. Слушаем дальше», — понял Кэс и, вздохнув, принялся с тем же особенным интересом, с которым недавно рассматривал потолок, разглядывать собственные сапоги. Взгляд воеводы поняли и другие десятники.

— Уверен, вас мучает вопрос: если угроза столь незначительна, то для чего же столице отправлять в такое захолустье на усмирение двух-трёх диких ворожей элитную дружину? — продолжал тем временем Кин.

Кэс и Фарли живо переглянулись и, вскинув брови, уставились на темнокожего мага. Тот как ни в чём не бывало продолжал:

— Уверяю вас, дело обстоит именно так, как я сказал выше, и никак иначе. В Ладосе есть маги, которые хоть и имеют вес в Совете Родов, но застряли в древних легендах и покрытых пылью сказках. Они видят в каждой деревенской предсказательнице след Трёх Тёмных. — Эбинайзер хмыкнул, подчёркивая нелепость сего суждения. — Что же касается моей просьбы о невмешательстве в работу нашей ячейки на месте инцидента, то здесь я действую только из соображения вашей, судари мои витязи, безопасности. Магия может быть непредсказуема и опасна. Как говорится,

ведьмы — забота магов, а ваше дело — ратное. — Не скрывая самодовольства, он бросил взор на Игнация. Ветеран ответил ему тяжёлым взглядом из-под густых бровей.

Повисла пауза. Пятёрка магов не произнесла ни слова и не сделала ни одного движения за время монолога своего руководителя. Артур понял, что все присутствующие ждут его ответа. Он улыбнулся и спокойным тоном произнёс:

— Благодарю вас за разъяснения и предостережения. Наша Малая Сорок Девятая Серебряная примет к сведению ваши пожелания. Со своей стороны, могу гарантировать, что ни один из моих людей не создаст вам неудобств. Но всё же отмечу, что наши действия будут отталкиваться от распоряжений, которые я лично получу от Амоса Радного, как и предписывает мне приказ. — Обращался он только к Кину, решив, что, хоть встреча и подразумевает присутствие более двух человек, разговор в этой палатке идёт, безусловно, только между ними.

— Ничего другого я от вас и не ожидал, — с добродушной улыбкой произнёс Эбинайзер. У Артура при виде этой улыбки возникло непреодолимое желание двинуть её обладателю по зубам. — У вас свои приказы, у нас, как это ни странно, свои. Желая ещё больше укрепить нашу дружбу, я приготовил вам карту местности, прилегающей к Бесову Холму.

После этих слов Кина уголки плотно сжатых губ высокой магички чуть скривились. Это заметил только Фарли — будучи известным ходоком, он то и дело поглядывал на неё.

— Карта содержит подробнейшее описание всех значимых объектов рядом. Для удобства расположения вашего лагеря, разумеется. Вы найдёте её в своей палатке по возвращении, — закончил наконец маг.

Глаза всех без исключения витязей расширились. Заметив изумление, Эбинайзер невинно рассмеялся:

— Заверяю вас, никакого проникновения на территорию вашего лагеря не было. Ваши вещи не потревожены. Это всего лишь жест добрососедства. В знак будущих крепких взаимоотношений.

— Благодарю за заботу, — процедил сквозь зубы Артур.

— Вы всё же встревожились! — нарочито громко выдохнул Эбинайзер, театрально вскинув руки. — Ну, может, мы действительно нарушили кое-какие правила, но ведь и вы, как я понимаю, не без греха. — Он выразительно посмотрел на Аксена.

Пятёрка магов, подражая своему руководителю, перевела взгляды на мрачного десятника.

— О чём он говорит, Аксен? — строго спросил Артур.

— Старшой, я не понимаю, — нисколько не смутившись, соврал тот.

— Не понимает?! — Эбинайзер покачал головой, как отец, разочарованный поступком сына. — Если у вас в Сорок Девятой не следят за исполнением воинского устава, я скорблю по нашей армии.

— Аксен Фолин, я приказываю дать разъяснения. Этот человек явно намекает на нарушение тобою устава!

Аксен, не отводя взгляда от Артура, медленно достал из-за спины охотничий нож в две ладони длиной. Маги явно были рады этой выволочке и смотрели на происходящее с неподдельным удовольствием.

— Ты принёс на совет сталь, — покачал головой Артур. — Десятник Фолин, вы будете строго наказаны. Сегодня ляжете спать в сапогах. Свободны!

Аксен довольно хмыкнул, выпрямился, хлопнул левой ладонью по правому плечу и нарочно громко, как на парадном смотре, рявкнул:

— Благодарю, сударь воевода!

Резко повернувшись на каблуках, он строевым шагом вышел из палатки. Кэс с Фарли не удержались и прыснули со смеху, Игнаций довольно крикнул, и даже Ром, молчаливо игнорирующий всё происходящее, не смог сдержать улыбку. Улыбки же магов после такого сползли с лиц.

— Как, вы не возьмёте его под стражу?! — изумился Кин. — Ваш десятник нарушил воинский устав Эделии!

— Десятник Фолин получил более чем суровое наказание за свой проступок. Данный инцидент, — Артур нарочно выделил слово «инцидент», — никак не касается Магической ячейки Ладоса. Если же вы обеспокоены угрозой, которую могла представлять для вас сталь моего десятника, то заверяю, никакой угрозы не было. Уверен, мой подчинённый действовал только из соображений вашей, судари мои маги, безопасности. Засим я желаю вам тихой ночи. Ещё раз благодарю за интереснейшую беседу.

Артур обвёл всех магигов взглядом и жестом показал своим — «уходим». Четверо витязей повторили

ли манёвр Аксена — выпрямившись как по команде, они громко хлопнули левой ладонью по правому плечу, развернулись и один за другим вышли из палатки. Артур ещё раз улыбнулся, слегка поклонился и вышел за ними.

Ладосские чародеи

— Воевода-то у них далеко не дурак, — протянул дребезжащим голосом старый слепой маг. — А ты, Кин, хвастливый идиот! Всё бахвалишься своим умением видеть картины чужого разума, но не умеешь при этом держать язык за зубами. Старик тебя раскусил. Уверен, те молодые оболтусы — тоже. Ради чего, скажи, ты устроил весь этот балаган?

Эбинайзер ничего не ответил магистру Горану. Он лишь скривился и молча растянулся на лежаке.

Может, действительно переиграл? Да ничего! Зато дуболомам Эйхарда будет над чем поломать головы этой ночью. Хотя надо признать — зачатки мозгов у них всё же есть. Эйхарда так точно дураком не назовёшь.

— Ты что скажешь, Прис? — спросил высокую магичку золотоглазый паренёк.

— Мне абсолютно наплевать на эти мужские игры, у кого хер длиннее. Также мне абсолютно наплевать, если кто-то из этих тупоголовых подохнет на том холме. Если их заденет моя волшба или мерзкая магия этих старух, я реветь не стану! Похотливых мужланов в Империи полно, бабы дают за несколько медяков — нарожают ещё. Вы не против, руководитель? — Ма-

гичка презрительно глянула на Эбинайзера и ехидно рассмеялась.

Мальчуган хихикнул и густо покраснел. Присцилла ему никогда особенно не нравилась, но её пошлые высказывания вызывали в его подростковом мозгу бурю эмоций.

— Вы бы, молодой человек, не похабности впитывали, а сосредоточились на Тени, — проскрипел магистр. — В здешних краях Источник слабее, чем в Ладосе, али не чувствуете?

Парнишка вскинул подбородок и с гордостью ответил:

— Я рассмотрел Тень ещё вчера. В трёх лигах отсюда орочья резервация. Один шаман пытается добавить земле плодородия. Не слишком у него это выходит — самоучка. Ни знаний, ни таланта.

— Сударь мой Галлан, — покачал головой слепой маг. — Вы или прогуливали Теорию Сил, или спали во время лекций. Признанный исследователь и историк магии Мантифий Полион в третьем томе своего труда «Размышления о природе Источников» убедительно доказывает, что общение с духами стихий, сиречь шаманизм орочьих племён, взывает к первобытной магии самого мира и никак не влияет на Светлый Источник.

Иллиан растерянно посмотрел на магистра. Теория Доступных Магических Сил была его самым любимым предметом в Семинарии. Он частенько её прогуливал и лишь чудом сдал выходной экзамен, получив за него «допущен». Насупив нос, под ехидное ворчание Присциллы он отправился на свой лежак оглядывать Источник на предмет творимой в окрестностях волшбы.

Эбинайзер Кин лежал, отрешённо смотря в потолок. С виду спокойный и умиротворённый, на самом деле сейчас он изо всех сил пытался уговорить закипающую злость. Разговор старого учителя со своим подопечным был ему неинтересен, а вот похабные высказывания и подначки Присциллы ему надоели до смерти. Присцилла презирала всех иноземцев, а иноземцев, стоящих выше неё, просто ненавидела. Приказы Эбинайзера она выполняла всегда со скандалами и оспаривала любое его решение.

Присцилла Неоттон, Алая Прис, почти сразу после выпуска из Магической Семинарии Ладоса снискала себе более чем мрачную славу. Её уже не раз обвиняли в излишней жестокости. Её заклятье «Огненного шторма» нередко выходило из-под контроля и губило не только врагов, но и воинов Империи. Однако высокое положение её отца, Габриэла, и глубокие шахты по добыче кристаллов семьи Неоттон позволяли Присцилле избегать выговоров и взысканий. Совет не особо ценил её таланты, и только властной рукой Габриэла Неоттона и с помощью тяжёлого сундучка с золотом она с полгода назад вошла в состав Центральной ячейки.

«Этой стерве давно как следует не задвигали, вот она и бесится, мешая всех с дерьмом», — нашёл для себя объяснение действиям Присциллы Эбинайзер и, сделав глубокий вдох, попытался выбросить бунтующую по поводу и без магичку из головы.

Пререкаться со знатной чародейкой ему не хотелось. С этой бледной стервой он ещё разберётся. Сейчас у него было задание, и задание предельно ясное — уничтожить ворожей. Всё остальное не имело

значения. Хотя, с его точки зрения, дёргать сильнейших магов Эделии для устранения выживших из ума старух всё же было нецелесообразным. Но выходец с далёких южных островов, давным-давно ставших частью Империи, привык чётко исполнять поставленные ему Советом и Семинарией цели. Именно такая исполнительность позволила некогда безродному дикарю стать членом, а после и главой элитной Магической ячейки Эделии и попасть в так ненавистный ему в молодости цвет общества.

Эбинайзер очнулся: снаружи послышался недовольный храп лошадей.

— Киrr, давай в кристалл! Блокировать всю волшебную магию в округе. Если хоть один придорожный дух ещё раз потревожит коней, отправлю тебя в Ладос на доработку!

Чем ближе пятёрка подходила к Бреннену, тем непредсказуемее вели себя местные духи. Придорожники преследовали магов уже несколько дней, полевники и лесные, когда такое бывало, не таясь, нападали на речных. Присутствие людей остановило их сражение, но только на время. Происходящее на Бесовом Холме сводило природу с ума.

Услыхав приказ, оба белёсых, не прекращая идиотски улыбаться, одновременно повернулись к Эбинайзеру и поклонились так низко, что их жидкие волосы коснулись пола. Усевшись на лежак и подобрав под себя ноги, они тихо выдохнули:

— Киинииир...

Их радужные глаза закатились вглубь. Теперь из-под полузакрытых век близнецов видны были только желтоватые, с кровавыми жилками белки. Блокиров-

щик ступил на пост, оберегая членов ячейки от возможного колдовства со стороны. Оберегать Серебряную дружину у него приказа не было.

«Сделать, что ли, крюк? Заехать к этой орочьей грязи и узнать, что не так с духами? — подумал Эбинайзер и тут же отмёл эту мысль как нелепейшую. Он ни у кого не будет просить помощи в этом походе. Он всё сделает сам. — Старик прав. Эйхард не так прост. Но его солдатня будет только мешаться под ногами. Упёртые бараны! Прис обязательно их зацепит. Не случайно, так намеренно. Могут быть проблемы с Советом Воевод...»

Невзирая на глубокую задумчивость, от Эбинайзера не ускользнуло одно гнусное заклятыице, брошенное Присцилой. Он тут же распознал его, проследил до цели и усмехнулся.

«Пусть поразвлечётся! Может, хоть это её немного успокоит».

Вызов принят

Лагерь спал. В тиши южной ночи слышалось лишь похрапывание лошадей да тихие разговоры «встречающих» на дороге. Весь обратный путь витязи проделали молча. Каждый из них понимал, какую оплеуху получила сегодня их дружина. Поведение столичных магов лишний раз подчеркнуло их исключительное положение в Империи.

Зайдя в командирскую палатку, десятники увидели Аксена. Тот, весь багровый, тяжёлым взглядом буравил невесть как появившуюся на столе карту. Свой охотничий нож он всадил глубоко в помеченный на ней

красным кругом холм. Повернувшись к только что вошедшим товарищам, он процедил сквозь зубы:

— Они перешли черту, старшой. Эти сукины дети перешли черту!

— Этот членосос слышал все наши разговоры! — взорвался Кэс. — Да он и сейчас, поди, слушает! Эй, Эбинхайзер, или как тебя там?! Ты грёбанный членосо-ос, слышишь?! А матушка твоя облизывала хер за медяк в борделе! Да чего там, я уверен, что ей это настолько нравилось, что она сама приплачивала любому забудыге, лишь бы отсосать! — не сладив со злостью, он пнул ни в чём не повинный служивший подушкой походный мешок.

— Слышал разговоры?! Сомневаюсь, — проговорил Игнаций. — Это у них называется вглядываться в Картины Разума. Это больше чем слышать. Они заглядывают тебе прямо в голову и видят всё, не только разговоры.

— Мне плевать, как они это называют! — не унимался Кэс. — Проникновение в палатку воеводы — нарушение всех существующих правил. Читать мысли — вообще шпионаж! Старшой, нужно сообщить в стольный, воеводе Талку. Этих уродов повесят!

— Трахал я как-то в «Задранной Юбке» одну алёнушку, — протянул Фарли. — Так она клялась, что как-то раз один маг залез её товарке в голову и свёл с ума, когда они не сошлись в цене за услуги. Если эти столичные чароплётны способны на такое, Старшой, нужно действительно что-то делать.

— Великие Трое! — простонал Кэс. — Что же это?!

В палатке повисла тишина. Артур слышал много историй о способностях сильнейших магов столи-

цы, но встретился с ними только сегодня. В том, что каждый из этой пятёрки мог прозываться сильнейшим, сомнений у него не было, и Серебряные ничего не могли противопоставить зарвавшимся чародеям.

— Я бы его поборол, — неожиданно произнёс Ром, высказав эту мысль скорее палатке, чем присутствующим в ней.

— Да хорош ты! Поборол! — отмахнулся Кэс. — Артур, из Бреннена нужно связаться с Талком и сообщить обо всех нарушениях! Стальной Талк не позволит кучке охеревших магов издеваться над Серебряными. В конце концов, это наш поход, а они только на подмоге!

Артур продолжал молчать. В словах Кэса был смысл. Проникновение в палатку воеводы, а главное, нескрываемая волшба, направленная на командный состав. «Явное и сокрытое магическое вмешательство, посягающее на военную тайну...» и прочее, и прочее. За такие действия грозила если не плаха, то лишение всех чинов и заслуг. Всё так, на бумаге. Да вот только за последние десятки лет Магическая Семинария сильно укрепила свое влияние в Империи. Десять Великих Родов почти полностью правили страной. Торговая Гильдия Лестора ещё как-то оставалась независимой, а вот Император Стридал Пенталор был стар и бездетен. В попытке продлить себе дни и свой род он всё чаще и чаще обращался за помощью к магам, за их услуги раздавая земли, чины и звания. Последняя большая война с орками на Кадал-Урусских островах постепенно забывалась. Героизм воевод стирался из памяти. Тысячи сложив-

ших голову витязей считались выполнившими долг, а вот о заслугах магов слагались песни и легенды. Год за годом в столице всё больше возводилось мраморных памятников в длинных плащах с посохами, а изваяния героев с мечами и копьями зарастали плющом. Артур прекрасно понимал распределение сил в Империи. Он не сомневался — старший воевода Трибиус Талк, Стальной Талк, как прозвали его витязи, непременно рассмотрит доклад о вопиющих действиях магов, но вот об отрубленных головах, чего там, даже о мало-мальски серьёзном наказании речь вряд ли зайдёт. Семинария сделает всё, чтобы выгородить своих лучших представителей перед короной.

— Талку писать смысла нет, — подтвердил мысли Артура Игнаций. — Его голос слаб теперь. Чароплётки контролируют всё.

Услышав приговор Игнация, Кэс, разразившись проклятиями, принялся месить мешок ногами. Фарли вошёл в глубокую задумчивость, изучая грязь под ногтями, Ром всё так же молчал, вероятно, раз за разом прокручивая в голове свой победоносный бой с Кином.

— Кляду Стального! — прорычал Аксен и, выдернув нож из карты, крутанул в руке. — Старик своё отвоёвал. Кляду устав! Нам, как пацанам, не знающим рать, приказывают не лезть в дела великих магов. Мы что, шлюхи бордельные, их приказы выполнять?! Да я всажу меч в сердце этого чернорожего ублюдка, если он ещё хоть раз посмеет говорить со мной таким тоном! Артур, ты так и будешь там стоять и молчать?! — окончательно перешёл он на крик.

— Если мы шлюхи, то тогда Артур наш... — вышедший из раздумий Фарли попытался сбить накал шуткой. Оглядев угрюмые лица соратников, он понял — не вышло.

— Всё? Наговорились? — тихо произнёс Артур. — Теперь слушайте меня. У нас есть приказ. Добратсья до Бреннена и получить дальнейшие указания от Радного. Сообщать или нет о поведении магов воеводе Талку, я решу после окончания похода.

Услышав это, Кэс со стоном повалился на лежак. Если воевода что-то решил, это решение мог изменить только сам воевода. А сейчас выходило, что он наотрез отказывался докладывать о вопиющих нарушениях магов-выскочек. «После похода» могло также означать «никогда».

— Однако копать в головах моих воинов я считаю личным оскорблением. Этого прощать нельзя! Но сейчас наша главная задача — Холм! До окончания похода я приказываю всем забыть поведение этих сударей сегодняшней ночью. На собрании дружин говорили, что в Бреннене есть придворный чародей. Это большой и богатый город, могу поспорить, их парень ничуть не хуже этих столичных. Игнаций, по прибытии с Кэсом находите его и ведёте ко мне. Нам будет о чём потолковать.

Игнаций отсалютовал рукой на плече, Кэс оживился, сообразив, что рано отчаялся и зря заподозрил воеводу в бездействии.

— Фарли, Ром, вы со мной на совет к Радному. Теперь с тобой, — Артур повернулся к Аксену. — Если ещё раз нарушишь приказ, можешь попрощаться

с Серебряными! Отпишу тебя в Железный легион. Ты меня понял?

— Понял, — буркнул Аксен, убирая нож.

— От то-то дело! — хмыкнул Игнаций. — Молодцом, старшой!

— Молодцом, молодцом! — закивал Фарли. — Вот и разобрались. Артур, тут в деревне одна дюрочка...

— Приказ: отбой, — отрезал Артур.

— Старшой, уже семь дней в пути!

— Десятник, вам не понятен приказ?

— Приказ «отбой» выполняю, — опустил голову молодой десятник и пошёл к своему лежаку.

Улёгшись рядом с братом, Фарли привычно замычал «А ну, Алёнка, ножки врозь» — неформальный гимн всех борделей Эделии. Память живо предоставила всё разнообразие женских прелестей, виденных им за его неполные двадцать шесть лет.

— Кэсси, Кэс! Как думаешь, бабы в Бреннене дорого берут?

— Взаимы я тебе больше точно не дам, — буркнул Кэс. — Дай уже поспать. Я хочу уснуть до того, как наш громоизрыгатель начнёт своё еженощное выступление.

— Поздно! — хохотнул Фарли.

Кэс застонал и, затыкая уши, натянул рубаху на голову: храп Рома начал волнами разливаться по палатке.

— Нужно будет и для нашего храпуна заклятье какое достать, — пробормотал он, поворачиваясь на другой бок.

— Ладно. Спи, — улыбнулся Фарли и закрыл глаза.

Образ молоденькой полнотелой доярки из близлежащей деревеньки возник перед его взором. Воображение приделало простушку в бесстыжее полупрозрачное платье и заставило её медленно раздеваться в танце, томно смотря в глаза хозяину фантазии. Обнажая свои сочные груди, девушка похотливо изгибалась, призывая действовать.

Неожиданно языки пламени охватили прелестницу, и она преобразилась. Теперь на Фарли смотрела высокая магичка из Центральной Ладосской ячейки. Абсолютно нагая, она подошла к нему и, притянув к себе, начала жадно целовать. Два разгорячённых тела слились в объятьях и повалились в густую траву. Магичка прильнула к Фарли, и он ощутил огонь её тела. Обезумевший витязь задыхался от восторга. Казалось, все чувства обострились многократно. Ни с одной женщиной он не испытывал такого наслаждения.

Где-то вдалеке заиграла музыка и послышался голос Эбинайзера Кина, напевающий бордельный гимн Эделии. Голос становился всё громче и громче. Он буквально грохотал над изнемогающими от желания любовниками.

«Ножки. Покажи, Алёнка, ноженьки. Разведи, Алёнушка, свои ножки врозь...»

Фарли не обращал внимания на музыку. Закрыв глаза, он полностью растворился в экстазе.

«Ножки. Покажу тебе я ноженьки. Разведу для тебя я ноженьки. Разведу их врозь...»

— Ни одной деревенской девке никогда не сравниться со мной! — выкрикнула Присцилла.

— Никогда. Никогда! — вторил ей Фарли.

— Смотри! Смотри на меня! Я хочу, чтобы ты видел моё роскошное тело!

Открыв глаза, Фарли в ужасе издал истошный крик. Вместо прекрасной длинноволосой красавицы на него, ехидно улыбаясь, смотрел Эбинайзер Кин. Ошалевший десятник принялся отчаянно вырываться из-под темнокожего амбала, но тот, безумно хохоча, прижал его к земле. Влажный язык оставил зловонный след на щеке, повергнув Фарли в трепет. Кошмарнее всего было то, что он продолжал чувствовать невероятное блаженство, разливающееся по телу, и уже был готов выплеснуть его наружу.

Неожиданная резкая боль выдернула его из сна: удар локтём в бок спас незадачливого бабника от позора.

— Хорош стонать! — пробурчал Кэс. — Каждую ночь одни бабы на уме.

Сердце Фарлинигана стучало как бешеное, тело содрогалось от испытанного блаженства и ужаса. Осознав, что всё это было лишь сном, он со стоном выдохнул и закрыл лицо ладонями.

— Кэссади, братуша... Ты просто спас меня. Хвала Трём! Это сон. Это был всего лишь сон!

С трудом успокоив дыхание, он приподнялся на локтях. Вокруг все спали. Через белую ткань палатки просматривались первые рассветные лучи. Уже скоро дозорный примется орать «подъём», а воевода начнёт их поднимать и того раньше. Тихо выругавшись, Фарли изо всех сил зажмурился, прогоняя кошмар и гадая, был ли он вызван кем-то из магов или его собственным буйно разыгравшимся воображением. Заснул он на удивление быстро.

Совет Десяти

В верхнем зале самой высокой башни Магической Семинарии Ладоса, где старейшины Магических Родов веками решали судьбы лежащего у их ног мира, десять высоких фигур в длинных балахонах восседали на белоснежных тронах с уходящими под потолок спинками.

В центре зала, в воздухе, висел огромный прозрачный кристалл. Сейчас в его ярком сиреневом свечении можно было разглядеть расплывчатый силуэт Райзера Ландела, замкового мага города Бреннен, расположенного далеко на юге Империи.

Ландел сильно нервничал. Ему ещё ни разу не доводилось присутствовать на Совете Родов, к тому же было заметно, что сам доклад для него явился необычайным сюрпризом. Он отчаянно пытался привести в порядок взъерошенные, зеленоватого оттенка волосы, а застёгнутый не на ту пуговицу засаленный сюртук представлял собой почти комичное зрелище. Наконец маг откашлялся, поклонился до земли, робко заглянул в свой измятый папирус и, сильно заикаясь, начал доклад:

— Д-долгих лет и з-здравия старейшинам Великих Родов Империи. Д-да не зайдёт их с-свет в веках.

— Продолжайте, — раздался чей-то нетерпеливый голос.

Докладчик вытянул шею, ттцась распознать говорившего, но быстро осознал бесполезность своих поисков, вновь кашлянул и продолжил:

— Н-на интересующей нас территории, именуемой чернью Б-бесов Холм, д-действительно наблю-

даются сильнейшие к-колебания Тёмного Источника. Как мы и п-предполагали, к-колебания вызывают т-три ворожеи. Хочу отметить, что столь масштабные п-пульсации не характерны для волшбы д-диких. Зафиксированные мною д-движения говорят о явном п-присутствии некоего артефакта или с-сущности, намного п-превышающего по силе их заурядные заклятья. В п-прилегающих к холму з-землях вместе с незначительным п-падежом скота и г-гибелью урожая вчера мною отмечены несколько случаев н-некромантии.

Ландел замолчал, ожидая ответа на высказанное. Десять фигур безучастно продолжали сидеть на своих местах. Он откашлялся, ещё раз сверился с заготовленным текстом и продолжил:

— В лиге от г-города на погосте несколько жуков и мух...

— Ещё что-то отмечено было? — прервали его.

Бедолага занервничал с новой силой, от чего стал заикаться пуще прежнего:

— Эээм... Да. Рыбаки отмечают, что г-гниющая рыба... Г-глаза рыб, б-белая плёнка и...

— Достаточно! Ещё что-то?

— Я, я п-просто хотел обратить ваше внимание на д-данные случаи, — попытался оправдаться брэнненский маг. — Из всего мною с-сказанного можно сделать вывод, что вместе с ворожеями на Б-бесовом, ну, скорее всего, д-действуют п-приверженцы культа Смерти, может б-быть.

— Оставьте заботы делать выводы нам, сударь Ландел, — тихим, но слышным для всех присутствующих

голосом перебил его один из сидящих. — Продолжайте.

— П-прошу ув-важаемых старейшин великодушно п-простить мне мою с-смелость. Я... я п-подробно изложил все имеющиеся у меня ф-факты п-прибывшей из столицы п-пятёрке. Эбинайзер Кин изъявил желание остановиться в з-замке и завтрашним же утром отп-правиться на Холм. Отчитаться старейшинам планирует сам Кин. — Ландел замолчал и склонил голову.

— Благодарю за проделанную работу. Ваш доклад окончен. Вы свободны.

Маг ещё раз низко поклонился. Кристалл ярко мигнул и погас, безжизненной глыбой застыв в центре зала.

— Ну что же, сдаётся мне, старая Бритта была права, — произнёс маг в золотом балахоне.

— Старая Бритта выжила из ума, — перебил его чародей, сидящий напротив. — И если ты, Истиан, веришь в её сказки, то ты тоже недалёк от сумасшествия.

— Я прошу вас, судари, соблюдать элементарные приличия, — поднял вверх палец маг в ярко-красных одеждах. — Хочу вам напомнить, что именно для тщательной проверки мнения уважаемой Бритты Ладос и направил на Холм Центральную ячейку. Я могу понять беспокойство Истиана, ведь в этом походе занят его сын, талантливый юный чародей и надежда их рода.

— Хотела бы поддержать беспокойство старейшины Галлана, — вступила магичка в изумрудном. — Год за годом мы наблюдаем, как Великий Источник, являющий всё магическое воплощение нашего мира, сла-

беет. В свою очередь Тёмный, о котором мы так мало знаем, всё чаще и чаще проявляет себя. Его колебания явно разрастаются, и я тоже считаю, что происходящее на юге как-то с этим связано. Некромантия и Тень на Источнике. Вы не хуже меня знаете историю и понимаете, чем это может быть вызвано. Также хочу напомнить, что под тем холмом находится хоть и запечатанное, но одно из Мест Силы.

— Да, да, да. «Трое забытых восстанут и первым из них Вечный Мертвец. Не будет тогда мира тварям живым, ибо мёртвых тела покоя не знают», — нараспев процитировал строчки древнего пророчества маг, сидящий напротив Истиана. — Песнь стара и покрыта паутиной. Переживания сударыни Местраль беспочвенны. Хотя я не удивлён. Не припомню, чтобы она хоть когда-то шла наперекор Галлану.

— Забываешься, Мюриэл! — Взгляд Истиана блеснул золотом. Кристалл в центре комнаты ожил и зажегся, отмечая мощный магический всплеск. — Тебе стоит следить за своим языком и более соответствовать благородному Роду Листон.

— Судари, — прозвучал голос мага в красном. — Я взываю к вашему благоразумию. Нет необходимости в ссорах. Наш Совет был создан для урегулирования конфликтов, а не для разжигания оных.

— Род Невен издревле отличался миролюбием. Приношу главе Рода Местраль мои извинения. Бернардин, клянусь, я не хотел тебя обидеть. Мои комментарии были излишне резки.

— Извинения главы Рода Листон приняты, — бросила Бернардин.